

Д. М. Токмашев

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРНОЙ ОНОМАСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ШОРСКОГО ФОЛЬКЛОРА)

Статья посвящена теоретическим проблемам изучения ономастической лексики в различных фольклорных жанрах на материале языка и фольклора шорцев – одного из аборигенных тюркских народов Сибири. Рассматриваются существующие теории и методики ономастических исследований на современном этапе. Обобщается опыт исследования фольклорных имен собственных в различных языках и обсуждается ономастическая специфика шорского фольклора в зависимости от жанра – героический эпос, сказки, мифы и легенды, пословицы и загадки.

Ключевые слова: шорский язык, тюркские языки, этнолингвистика, ономастика, фольклор.

Ономастика как наука о собственных именах оформилась в 30-х гг. прошлого столетия и развивается в русле общей лингвистической теории. Объект изучения связывает ее с рядом смежных гуманитарных наук – историей, этнографией, социологией, литературоведением и др. Таким образом, большая часть ономастических исследований носит интердисциплинарный характер. Кроме того, выделение ономастики в самостоятельную науку потребовало от нее разработки собственных теории и методик исследования [1, 2], а также терминологической базы [3]. Тем не менее на фоне активного развития других направлений языкознания теоретическая ономастика, несмотря на обширный пласт работ по собственным именам, так и не оформилась в единую научную парадигму. М. Э. Рут отмечает, что «...выделение ономастики как самостоятельной науки, имеющей свой собственный предмет, имело огромное значение для развития интереса к именам собственным как особым лингвокультурным феноменам и принесло свои плоды, однако сейчас нельзя не признать, что цельной науки все же не получается, и трудно назвать хоть одну сколько-нибудь значимую работу (...), в которой бы ономастика результативно рассматривалась в целом» [4].

Применительно к ономастике фольклора это значит, что исследование собственных имен в разных фольклорных жанрах связано не только с их семантикой (что означает имя?), но и целым рядом смежных вопросов – ономастической типологии и стратиграфии (построение различных семантических и функциональных таксономий имен), имени в синхронии и диахронии (анализ внутренней формы имени и его метафорического потенциала), ономастической деривации и синтактики (вопросы образования и сочетаемости имен и их компонентов) и т. д.

Проблематика ономастического исследования, таким образом, выходит за «семантические рамки» и, как это ни парадоксально, возвращается в эти же рамки при практическом применении любой из ме-

тодик, даже если изначально вопрос семантики не ставился исследователем в качестве основного (например при исследовании словообразовательного потенциала конкретного имени или способов номинации объектов в тексте). Стоит отметить, что в этом смысле изучение фольклорной ономастики отличается от изучения прочих групп онимов (реальных и вымышленных), так как вопрос асемантичности собственных имен либо наличия у них только речевого, а не языкового смысла до сих пор является дискуссионным [5, с. 10]. Так, по Дж. Ст. Миллю, имя нарицательное по своей природе коннотативно и обладает концептом (понятийным содержанием), а имя собственное – не коннотативно и не обладает концептом, а напрямую отсылает к денотату, не сообщая о нем никаких дополнительных признаков, являясь «жестким десигнатором» в теории С. Крипке (см. [5, с. 11]). Так как фольклорное ономастическое пространство неоднородно, часть имен в нем может иметь большее концептуальное наполнение (например, имена в эпосе, сказочном и обрядовом фольклоре), часть – меньшее (имена в историческом фольклоре), а часть не иметь такового совсем (имена в любовных песнях, загадках, пословицах). В большей степени это касается антропонимов, в меньшей – топонимов, но в любом случае жанровая дифференциация собственных имен в фольклоре – ключ к пониманию их семантики. Чем шире распространено имя в фольклоре, тем больше у него коннотирующих признаков и тем больше оно приближается к имени нарицательному. Т. В. Топорова, исследуя древнегерманские мифопоэтические имена, приходит к выводу: «Специфика мифопоэтического *nom.pg.* заключается в размытости границ между именем собственным и нарицательным, подвижностью статуса *nom.pg.* [6, с. 9]. Ср. Д. К. Зеленин: «Собственное личное имя само по себе, вне применения к данному лицу, в устах народа не является чем-то отвлеченным, это, так сказать, не только формальная величина, но и материальная, почти с каждым именем в народном сознании связано представле-

ние о том или ином признаке или даже группе признаков, вне всякой зависимости от природы носящего это имя данного субъекта» [7, с. 19].

Ономастика фольклора в общем смысле – это совокупность собственных имен персонажей и артефактов, а также географических названий в произведениях устного народного творчества. Наличие собственных имен в любом жанре фольклора и их особая, символическая роль в организации фольклорного текста являются, по-видимому, языковой универсалией. Ср.: «Самобытность фольклорного ономастикона и его особая ценность для целого комплекса гуманитарных наук говорит, с одной стороны, о необходимости его изучения, а, с другой – о возможности выделения данного направления ономастики художественных текстов в отдельную и особую научную дисциплину – фольклорную ономастику» [8, с. 20]. Как отмечает Т. А. Сироткина, личные имена довольно употребительны в фольклорных текстах и имеют свою специфику в разных жанрах. Появление у них символических значений – процесс длительный, происходящий веками, он связан с историей и культурой народа, его традициями [9, с. 87].

Анализ отдельных работ последних десятилетий позволяет наметить примерный круг целей и задач, которые ставят исследователи фольклорной ономастики, и кратко описать их методологию.

Так, упомянутое выше исследование Т. В. Топоровой посвящено комплексному анализу двучленных имен собственных «Старшей Эдды», а именно – дифференцированному и детальному их описанию в синхронии и диахронии с выделением обще- и ареально германских имен и их индоевропейских рефлексов, анализу синтаксической сочетаемости элементов имен, их морфологической и семантической специфики с построением семантической ядерно-периферийной типологии. Отдельно рассматривается поэтическая структура имен: имя как микротекст, основанный на повторе, аллитерации, метафоре и т. д. Автором также вводится важный термин «ономастическая модель мира» [6, с. 240–241], в которой собственные имена выступают в качестве координат, образующих часть концептуального пространства языка.

Работа И. А. Петровой посвящена парадигматике собственных имен и способам ономастической номинации героев в русских сказках и песенном фольклоре [10]. В ней определяется состав фольклорной онимии, анализируются фонетическая и словообразовательная структуры онимов. Целью работы также является определение разнопродуктивных способов номинации одного денотата в фольклоре и выявление жанровой специфики ономоупотребления. К ней приближается и исследование антропонимов в русской народной лирической

песне Р. В. Головиной [11], где среди целей отмечается выявление причин высокой частотности тех или иных антропонимических единиц и установление их корреляции по разновидностям песен. Сопоставительное исследование ономастики русской народной и авторской сказки выполнено О. Г. Горбачевой [12], в задачи которого входило описание денотативной базы сказочного онимикона, грамматической структуры онимов, а также рассмотрение сказочного ономастикона в культурно-историческом и функционально-семантическом аспектах. Дифференцированный подход к функциям имен в сказках разных типов позволил проиллюстрировать движение от мифа к реальности в народных сказках и стилеобразующую функцию онимов – в авторских.

Интересное исследование ономастикона русских заговоров провел А. В. Юдин [13]. Работа выполнена в виде энциклопедического словаря, собственные имена в котором расположены по пяти принципам: 1) типам мифологических и реальных денотатов (лексико-семантическая типология); 2) базовым функциям (защитник, помощник, противник, универсальный); 3) дополнительным функциям, отмеченным у персонажей; 4) частотности имен; 5) по алфавиту. Основной упор в работе сделан на корреляцию имени и функции персонажа в ритуальном тексте.

В монографии З. К. Тарланова [14] сопоставляется антропонимия и топонимия русских былин и финской «Калевалы». Комплекс методов включает инвентаризацию имен, построение ономастических типологий, где в качестве интегральных признаков выступает языковая (структурно-семантическая) организация имен, их социальная «окрашенность», и художественная функция и т. д. Интересной является попытка построить «вертикальную» и «горизонтальную» структуры эпического пространства при помощи имен. Так, в центре пространства оказываются имена наиболее значимых положительных героев, по восходящей вертикали – вышестоящих персонажей (божеств, мифических предков), по нисходящей – семейно-родовых представителей и прочих персонажей. Горизонталь представлена именами врагов (реальных или мифических). Топонимическое пространство двух эпосов также неизоморфно: для «Калевалы» характерны мифические топонимы, а для русских былин – узнаваемые географические локусы.

Приведенные в качестве примеров работы, естественно, отражают лишь малую часть теоретико-методологических установок при анализе фольклорных собственных имен в значительном объеме выполненных исследований, но их основные постулаты сводятся к следующим: 1) имя собственное в фольклоре – не случайное языковое образо-

вание, представляющее собой микротекст, особый культурный код, и потому чрезвычайно ценное для понимания культуры; 2) исследование фольклорного пом. рг. должно быть комплексным и охватывать как можно больше уровней манифестации имени в речи и тексте, так как только при таком подходе может быть раскрыта его мифологическая символика.

При отсутствии внятных критериев выделения ономастической лексики и единого подхода к ее исследованию авторы работ по фольклорной ономастике прибегают к синтезу научных парадигм, интерпретируя имя в фольклоре с позиции лингвистики, фольклористики, социологии, культурологии и т. д. Таким образом, разработка адекватной методики ономастического исследования становится сложной проблемой, решаемой каждым исследователем индивидуально. Е. Л. Березович отмечала, что «в настоящее время контуры этнолингвистического аспекта изучения имен собственных еще только начинают прорисовываться; этот аспект ономастических исследований нельзя считать ни теоретически, ни методически разработанным» [15, с. 141].

Вместе с тем этнолингвистическая направленность ономастических исследований – устойчивая тенденция последнего десятилетия, так как традиционные методы ономастики (изучение грамматики имен и построение «отаппелятивных» семантических классификаций) порой заводят исследователя в тупик, не отвечая на основной вопрос ономастики: как и при каких условиях данная лексическая единица превратилась в ономастический концепт? Последний термин (хотя и не новый по содержанию) отмечается в работах по ономастике с развитием идей когнитивизма в языкознании, когда часть ономастологов стала рассматривать имя собственное с когнитивных позиций. Например, основная цель работы А. С. Щербак – «изучить ономастические единицы как средство репрезентации определенного концептуального содержания» [16, с. 3], для чего вводятся термины «(ономастическая) репрезентация», «(ономастическая) категоризация», «(ономастический) концепт», широко используемые в работах тамбовской, воронежской, кемеровской и др. научных школ когнитивной лингвистики. Интересные и важные для ономастики результаты, полученные в ходе применения «когнитивных» методик, выражаются в выделении трех уровней категоризации сущностей «человек» (для личных имен) и «пространство» (для топонимов) – базового, субординатного и суперординатного. К «концептуальной» тематике в ономастике обращается и Л. А. Климкова [17], целью ее работы является рассмотрение нижегородской микротопонимии как «отражение основных параметров

картины мира – концептов «пространство», «время», «человек», «число», «сакральность». Отдельно анализируется дискурсивный компонент микротопонимии, связывая ономастику с теорией языковой личности и прагматикой. Одна из задач работы Е. Ф. Ковлакас [18] – исследование ментальных образов (= концептов) «человек», «река», «гора» как основ формирования топонимической картины мира по модели «*топонимы – ментальные образы – концептосфера – топонимическая картина мира – освоение культуры*». Интересно также исследование древнерусской ономастики, выполненное Е. Н. Соколовой [19] в рамках сравнительно-исторической и системно-структурной парадигм, но затрагивающее проблему реконструкции древнеславянской картины мира на ономастическом материале. Ориентированность автора на традиционные методы и редкое употребление «когнитивной» терминологии (концепт, категоризация и т. д.) обусловлена, вероятно, архаичностью и исключительно письменной формой исследуемого материала.

Отдельного внимания заслуживает статья Т. М. Николаевой [20], констатирующая разнонаправленность ономастических работ последнего периода и посвященная текстологическому аспекту изучения антропонимов. Чрезвычайно перспективными для фольклорной ономастики являются упоминаемые в статье идеи В. Н. Топорова об архетипичности имен, связанных с *мифом* и *ритуалом* и реализующих эти ассоциации в различных текстах на примерах цепочки: *Илья-пророк – Бог-громовержец – Илья Муромец – Илья из детского фольклора* или *Сидор/Марья – Сидор Карпович – Козлиный облик* и т. д. Вокруг каждого из таких имен-«свит» формируется своего рода микротекст, могущий показаться гетерогенным. Так, в имени былинного персонажа *Святогоры* В. Н. Топоров выделяет следующие концептуальные признаки: *гора* → географически северо-запад Руси, граница с Эстонией; *святость* → противопоставление чужому (*Чудь*); *гора* → хтонический персонаж (*Змей Горыныч*); *гора* → антипод земли (*Илья Муромец*). Ср. далее: «Антропонимы в тексте могут служить некими ключами, намекающими на прецедентный текст или прецедентную ситуацию» [19, с. 14]. Автор предлагает выделить изучение *имени-в-тексте* в качестве самостоятельной ветви антропонимики с целью раскрытия зашифрованных в антропонимах «неочевидных смыслов текста» – задача достаточно трудная, но полученные результаты могут обогатить ономастику и этнолингвистику в целом.

Обратимся к проблеме изучения фольклорной ономастики тюркских народов Сибири, в частности – шорцев. Первой ономастической работой, посвященной саяно-алтайскому тюркскому фольклору, был изданный в 1888 г. Историко-филологи-

ческим отделением Санкт-Петербургской Академии наук Алфавитный указатель собственных имен [21] – исторических, мифологических и эпических антропонимов, топонимов, зоонимов и прочих имен, составленный академиком Н. Ф. Катановым. Словарная статья содержала разноплановую информацию о пом. рг. с указанием этимонов и источников заимствований, этнолингвистическую атрибуцию имени, постраничную ссылку на каждый случай его употребления, иногда – перевод на русский язык. Также приводилось описание функции персонажа или топонима в фольклоре и перечисление традиционных, часто развернутых эпитетов, содержащих добавочную часть семантики пом. рг.

Пример антропонимической статьи: *Ärgäk (большой палец)*. Алтын Ärgäk (золотой б. палец) – имя богатыря. Эпитеты его: 1) ai kar' аттыг – *имѣющий чернолуннаго коня*; 2) алып төрөн – *богатыремь родившийся*; 3) аранцула ак сар' аттыг – *имѣющий отличнаго бѣлосоловаго коня*. 275, 276, 340. – Ш. Ч. [20, с. 5].

Пример топонимической статьи: *Парнаул – Барнаулъ, окружной городъ Томской губ., находящийся при впадении р. Барнаулки въ Обь*. 158 и 189. – Т. [20, с. 21].

Последние литеры указывают на фольклорный источник имени – соотв., шорский, челканский и телеутский. Тщательно выполненный Указатель... до сегодняшнего дня является блестящим образцом этнолингвистического изучения шорской фольклорной ономастики.

Общий обзор трудов по ономастике тюркского и, в частности, шорского фольклора приводится нами в [22]. Из последних работ следует также отметить статьи Д. А. Функа [23] по сопоставительному ономастиологическому анализу шорских бытовых и эпических имен, который показывает принципиальное различие этих двух ономастических областей, и Ю. В. Лиморенко [24] по проблематике перевода личных имен персонажей фольклора в двуязычном издании. Автор предлагает транслитерировать традиционные мифологические имена, переводить на русский язык отаппелятивные имена с прозрачной семантикой и частично составные имена, имеющие эпитеты и прозвища как добавку к основе имени.

Фольклор шорцев включает достаточно развитую систему жанров, наиболее значительным и крупным среди которых является героический эпос (*алыптыг ныбақ, қай ныбақ*). Кроме того, отчетливо выделяются сказочный (*ныбак, шөрчек*) и песенный (*сарын*) жанры, жанр устных легенд – рассказов (*пурунгу чооқ*), а также малые жанры фольклора – пословицы и поговорки (*үлгер сөс, кеп сөс*), загадки (*таптырыш ныбақ*). Подробнее о

жанровой типологии и специфике см. Дыренкова (1940); Функ (2003); Чудояков (1995); Косточаков (2002); Арбачакова (2010) и др.

Ономастическое пространство шорского фольклора представляет собой континуум, состоящий из гетерохронных и гетерогенных элементов, многие из которых характерны только для того жанра, в котором они существуют. Так, например, двусоставные имена персонажей – отличительная черта героического эпоса и реже сказок; этнонимы и топонимы чаще встречаются в песнях и легендах; имена, ассоциируемые с реальными историческими персонажами, – в исторических песнях.

Отсюда вытекает первая необходимость – наличие жанрово-дифференцированного подхода к инвентаризации собственных имен в фольклоре. Это позволит сделать вывод о количественной и качественной ономастической «насыщенности» каждого из жанров. Мы исходим из тезиса, что тексты всех фольклорных жанров обладают одинаковой культурной ценностью, однако не в каждом из них культурные смыслы выражаются с помощью пом. рг. Так, если этого не происходит (например, в частушках и загадках практически нет собственных имен) – это значит, что культурный смысл текста выражен какими-либо другими лингвистическими и паралингвистическими средствами, а не с помощью пом. рг. Рассмотрим его на примере сборника «Фольклор шорцев» [25], снабженного ономастическим указателем. Сборник включает одно героическое сказание (*алыптыг ныбақ*), 12 сказок (*ныбақтар*), 19 старинных рассказов – мифов, легенд, преданий (*пурунгу чооқ*), одно шаманское камлание (*қамнаныш*), 4 заклинания (*шачығлар*), 4 причеты (*сығыт*), 3 колыбельные песни (*палымбай сарын*), 47 песен (*сарыннар*).

Для иллюстрации того, как распределяется по жанрам ономастический материал, мы предлагаем ввести термин *ономастическая плотность текста*, коэффициент которого O^k вычисляется по

формуле: $O^k = \frac{N^{num}}{T^{vol} / T^{num}}$, где N^{num} – количество

неповторяющихся собственных имен безотносительно их частотности в каждом отдельном тексте, T^{vol} – общий объем текста в страницах, T^{num} – количество самих текстов.

Несомненно, для получения достоверных данных и уменьшения статистической погрешности объем анализируемых текстов в пределах каждого жанра должен быть увеличен. Предварительные выводы могут быть следующими: 1) более всего собственные имена представлены в песнях, а также мифах, легендах и преданиях; 2) вторым жанром по коэффициенту ономастической плотности текста являются сказки; 3) в остальных жанрах

	Героический эпос	Сказки	Мифы, легенды, предания	Песенный фольклор		Ритуальный фольклор		
				Песни	Колыбельные	Камлания	Заклинания	Плачи
Количество текстов (T^{num})	1	12	19	47	3	1	4	4
Объем текстов в страницах (T^{vol})	33	60	33	10	1	3	3	2
Имена персонажей (*)	15	37	25	3	0	1	0	2
Топонимы (**)	5	8	16	8	0	2	2	1
Коэффициент ономастической плотности (O^*)	0,45* / 0,15**	7,4* / 1,6**	14,7* / 9,4**	15* / 40**	0* / 0**	0,3* / 0,6**	0* / 2,6**	4* / 2**

фольклора распространенность собственных имен существенно меньше.

Для дальнейшей верификации функциональной нагрузки имени собственного в фольклоре необходима также *внутрижанровая дифференциация текстов*: так, жанр сказки объединяет традиционные разновидности сказок – бытовые, волшебные и о животных, символизм и функции собственных имен в которых принципиально различаются. То же можно сказать о жанре легенд и рассказов, где выделяются топонимические легенды, исторические предания о народах и отдельных персонажах, рассказы о потусторонних существах (духах, хозяевах земли); о героическом эпосе, имеющем разновременные пласты: архаичные мифологические, более поздние – героико-эпические и т. д.

Другое перспективное и, очевидно, необходимое направление – *внутриклассовая дифференциация имен*, зафиксированных в текстах. В нашей таблице все пом.рг. разделены на два класса – топонимы и имена персонажей. При этом в класс имен персонажей включены все обозначения действующих лиц в фольклоре – условно-реальных, мифических и зооморфных (см. таблицу).

Отсюда вытекает вторая необходимость при исследовании фольклорной ономастики – разработка критериев выделения собственных имен и ограничение их от нарицательных. Так, отдельные персонажи героического эпоса носят нетипичные для этого жанра имена. Например персонаж – помощник главного героя в шорском эпосе «Кан Кес» именуется *qara čylaš oolaq*, букв. ‘голый черный юноша’. Впоследствии он получает традиционное богатырское имя *aj ergek*, букв. ‘лунный большой палец’: *čylyš čörgeŋ qar’olaq pügün keptig polyan, čazag čörgeŋ qar’olaq pügün attyg polyan. Ady šolazyn adatty...* ‘голым ходивший Черный юноша сегодня имеющим одежду стал, пешим ходивший Черный юноша сегодня имеющим коня стал. Имя его стало ...’ [26, с. 61] – это свидетельствует о том, что ранее, до получения обязательных богатырских атрибутов (снаряжения, коня и имени), словосочетание *qara čylaš oolaq* не являлось именем. В русском тексте имя не транслитерируется,

что характерно для эпических персонажей, а переводится полностью, будучи семантически совершенно прозрачным (ср. *Ак Кан, Кара Кылыш*, но *Голый Черный юноша*), при этом заглавное написание имени относит его к разряду личных имен (ср. *волк* и *Волк* в русских сказках). И. А. Петрова называет это явление «отдельное прозвище как способ ономастической номинации героя» (ср. *Мальчик-с-пальчик, Покатигорошек*) [10, с. 14]. Однако вопрос, является ли такое прозвище именем собственным, остается открытым.

Наименование некоторых мифологических топонимов, зооморфных персонажей и богатырских коней также ставит вопрос о принадлежности их к классу собственных либо нарицательных имен. Таково имя *алтын тайга*, букв. ‘золотая гора’ – мифическое место, не имеющее реальных координат и восходящее к культу гор у алтае-саянских тюрков и архетипу горы вообще; *алтын көк*, букв. ‘золотая кукушка’; *күмүш картыга*, букв. ‘синий ястреб’, *сүт ак-ой ат*, букв. ‘молочно-сивый конь’ и т. д. – имена зооморфных героев либо животных, выполняющих функции человеческих персонажей. Характерной особенностью является обязательный перевод и строчное написание именованного коня, тогда как имена прочих зооморфных персонажей обычно транслитерируются и пишутся с прописной буквы. Таким образом, при отнесении имени персонажа к аппелятивной либо проприальной лексике необходимо учитывать семантический (насколько прозрачна семантика имени? какую смысловую и мифологическую нагрузку оно несет?) и функциональный (как ведет себя персонаж?) критерии. Орфографический критерий (перевод/транслитерация и прописное/строчное написание имени) нам представляется менее значимым.

Мы обозначили только две вводные теоретические проблемы, связанные с изучением ономастического пространства шорского фольклора. Дальнейшей разработки ждут вопросы концептуальной организации ономастикона и раскрытие лингвокультурологической составляющей семантики пом.рг. в фольклоре, вопросы морфологии и синтактики имен и их компонентов, сравнительно-

исторической и ареальной типологии имен с привлечением данных древнетюркской ономастики и родственных языков и культур.

Можно констатировать, что этнолингвистический подход к исследованию *nom.pg* является наиболее перспективным, особенно при исследовании языков и культур коренных малочисленных народов Сибири. Несмотря на различия в терминологии, этот подход основан на тезисе о взаимной корреляции фактов языка и культуры и стал прева-

лирующим в современных ономастических исследованиях (примером реализации такого подхода можно назвать работу М. В. Филимонова, посвященную этнолингвистическому анализу кетского фольклорного имени *Бальна* [27]). Ср. мнение Е. Л. Березович: «Исследования, направленные на концептуальные установки создателей имен, организующие семантическое пространство ономастикона, начинают появляться – и, думается, будущее за ними» [15, с. 130].

Список литературы

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 366 с.
2. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. М.: Наука, 1986. 256 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 192 с.
4. Рут М. Э. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского гос. ун-та. 2001. № 20. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/rut-01.htm>
5. Блох М. Я., Семенова Т. Н. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. М.: Готика, 2001. 196 с.
6. Топорова Т. В. Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 253 с.
7. Зеленин Д. К. О личных собственных именах в функции нарицательных в русском народном языке // Филологические записки. Воронеж, 1903. Вып. 2.
8. Казакова И. О. Топонимия сербского и хорватского поэтического фольклора: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 202 с.
9. Сироткина Т. А. Личное имя в фольклорном тексте // Фольклорный текст–98. Пермь, 1998. С. 84–87.
10. Петрова И. А. Парадигматические отношения имен собственных и способы ономастической номинации героев в фольклорном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
11. Головина Р. В. Антропонимы в русской народной лирической песне: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001.
12. Горбачева О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2008.
13. Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997. URL: http://svitk.ru/004_book_book/1b/229_yudin-nomastikon_russkih_zagovorov.php
14. Тарланов З. К. Герои и эпическая география былин и «Калевалы». Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 244 с.
15. Березович Е. Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987–1998 гг.) // Известия Уральского гос. ун-та. 1999. № 13. С. 128–142.
16. Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2008.
17. Климова Л. А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.
18. Ковлакс Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2009.
19. Соколова Е. Н. Ономастическое пространство древнерусской письменности памятников Киевской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2010.
20. Николаева Т. М. О «единстве ономастики» и/или о новой ветви «антропонимики» // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 3–19.
21. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым / сост. Н. Ф. Катанов. СПб., 1888. 35 с.
22. Токмашев Д. М. Антропонимы в шорском героическом эпосе: сравнительно-исторический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Новокузнецк, 2005. 220 с.
23. Функ Д. А. Антропонимические модели в бытовой культуре и эпических текстах (материалы по тюркским народам юга Западной Сибири) // Этнографическое обозрение Online. Май, 2005. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2005/EOO2005_3a.pdf
24. Лиморенко Ю. В. Ономастика в русском переводе фольклорных текстов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 4. С. 143–147.
25. Фольклор шорцев / сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск, 2010. 608 с.
26. Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.
27. Филимонов М. В. Кетский антропоним *Бальна* – анаграмма-пан // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. № 7. С. 120–121.

Токмашев Д. М., науч. сотрудник Центра языков и культур народов Сибири.
Кузбасская государственная педагогическая академия.
Пр. Пионерский, 13, Новокузнецк, Кемеровская область, Россия, 654027.
E-mail: kogutei@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 03.05.2011.

D. M. Tokmashev

THEORETICAL ISSUES OF FOLKLORE ONOMASTICS (BASED ON SHOR FOLKLORE)

The article is the result of theoretical review of recently made folklore onomasticon studies applied to the folklore of Shors – one of the indigenous Siberian Turkic peoples. The article also dwells on nowadays' theories and methodologies of onomastic research. We propose the ethnolinguistic approach to the Shor folklore proper names, aiming at revealing their cultural semantics with the differentiated proper name analysis according to the genre – that are heroic epos, fairy tales, myth and legends, songs, proverbs and riddles.

Key words: *Shor language, Turkic languages, ethnolinguistics, onomastics, folklore.*

Kuzbass State Pedagogical Academy.
Pr. Pionerskiy, 13, Novokuznetsk, Kemerovo region, Russia, 654027.
E-mail: kogutei@yandex.ru